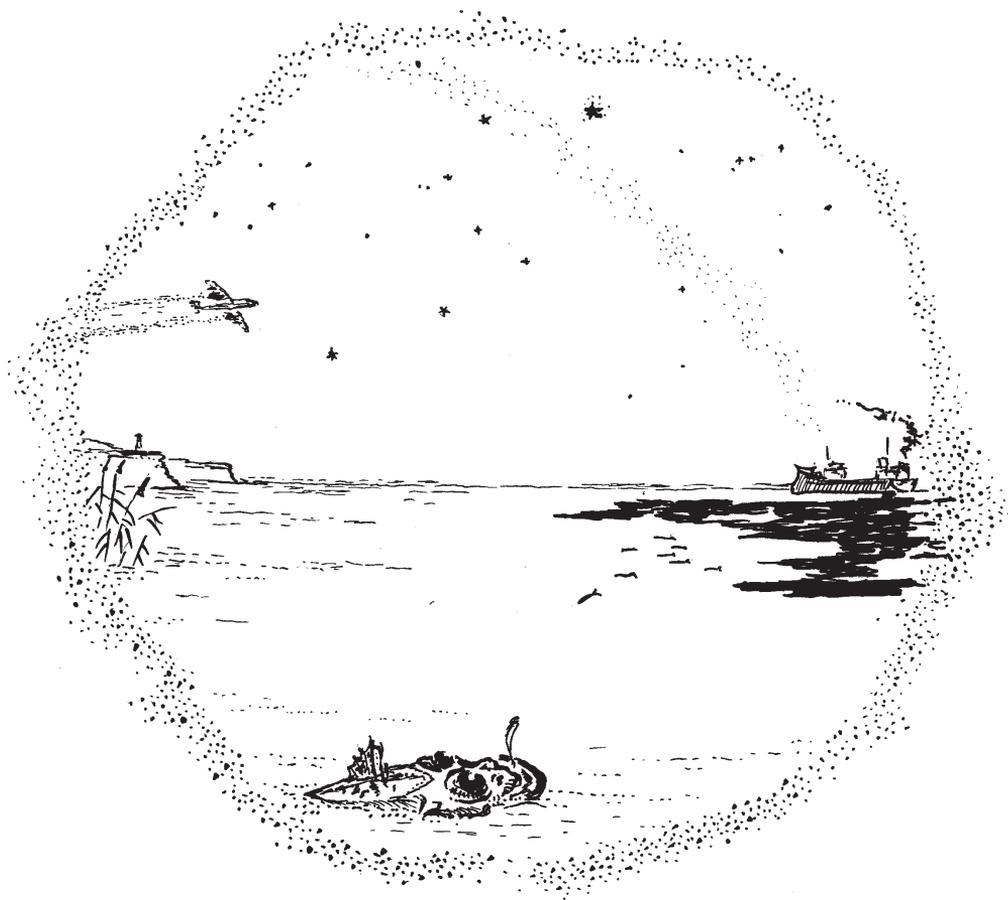


ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 6
Выпуск 2

2004



ректировке слабостей рынка. Тогда мы должны предположить, что цели разработки политических решений просто “заданы” в тех предпочтениях, которые потребители раскрывают или могут раскрыть на рынке. С другой стороны, мы можем считать “рациональной” политику, основанную на некоей концепции равенства, или любую другую заранее обусловленную концепцию или критерий.

Однако мы также можем получить политику, являющуюся рациональной в том смысле, который мы можем назвать намеренным, или хорошо продуманным, если мы будем стремиться основать закон на принципах и идеалах, отражающих наши лучшие представления о том, что мы отстаиваем и уважаем как нация. Этот вид рациональности зависит от добродетелей и достоинств коллективного решения проблем; он оценивает разумность целей в их связи с ценностями, которые они воплощают, и жертвами, которые мы должны будем принести для их достижения. Этот продуманный

подход уважает конституционные права, дающие людям равную возможность внести свой вклад в политический процесс, однако не утверждает заранее никакой политической теории относительно целей государственной политики.

Напротив, этот подход предполагает, что ценности, на которых мы базируем нашу социальную политику, являются объектами общественного опроса. Они не могут быть получены (как на рынке) в результате агрегирования экзогенных предпочтений, или (как в политической философии) на основе метафизических истин о человеческой природе. Общие цели государственной политики должны определяться путем политического процесса, участие граждан в котором ограничивается только правами, защищаемыми Конституцией. Эти цели не могут быть известны заранее никакой передовой партии, никаким политэкономистам или элитному корпусу королей – философов.

Цена жизни животного с точки зрения ученого

И. Загороднюк

Ужгородский национальный университет

Охотник! Каждый убитый заяц – это 10 спасенных деревьев!

(Из плаката в лесничестве).

Кто хочет что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда он убивает,
Потом на части разнимает,
Хоть связи жизненной – увы! – там не открыть.
Мефистофель. “Фауст”.

Сейчас состояние популяций большинства видов диких зверей достигло того критического уровня, что когда-то обычные

виды скопом “пошли” в Красную книгу. Теперь – как вне, так и внутри науки – все чаще звучат мысли о ценности жизни и изменении отношения к животным. Чаще всего это ставят в вину охотникам и зоологам, с чем и попробуем разобраться. Речь

тут не будет идти об убийстве как таковом (эксперимент без материала не проведешь), а о минимизации влияния ученых на состояние популяций объектов нашего исследования.

Ломка (вместо предисловия)

Весной 2000 года Украинское териологическое общество и новосозданная его группа под названием Украинский центр охраны летучих мышей проводили семинар по использованию ультразвуковых детекторов для идентификации видов летучих мышей и обнаружения их убежищ. Это было на биостанции “Ядуты”. Во время одной из экскурсий наши тренеры, голландские хироптерологи Герман Лимпенс и Питер Лина вывели группу на колонию летучих мышей, в составе которой был новый для нашей фауны вид – нетопырь-пигмей, которого удалось определить как раз по ультразвуку. Началось планирование того, как выдрать тех “пигмеев” из-под крыши.

Прозвучали удивленные голландские: “Kill?” Я искренне говорил им: “Почему “kill?”, просто взять в коллекцию...”. Голландцы упрямо повторяли: “Kill”. Мы объясняли, что у нас существуют определенные стандарты, и нам просто не поверят, а пара убитых нетопырей нас спасет (так и случилось: на отчете перед ученым советом наши с голландцами детекторные успехи были высмеяны). Голландцы внимательно это выслушали, членораздельно объяснили, что не для этого они сюда ехали, и повели группу дальше...

Началась ломка... Споры были многократными. Шла перемена ценностей. Приход новых исследователей шел под очевидными “зелеными” лозунгами, хотя этому не учили. Как-то профессор Шарпило не без печали рассказывал мне, что настоящая зоология окончилась вместе с XX столетием. (Теперь понимаю, что это было не настроение, а правда.) Тогда за мое упоминание о том, как у нас для поиска гельминтов вскрыли сотни летучих мышей, он так оби-

делся, что мне стыдно поныне. Он (“верхом”) не видел, а я не понимал продолжения старого. “Каждый исследователь должен пройти путь развития своей науки” (это из Вениамина Эпштейна).

Вначале было слово?

Когда-то мы считали цену одного образца. Вовсе не как жизнь. Каждый череп мышки или суслика с учетом экспедиционных расходов, виварного содержания и т. п. стоил от 3 до 330 рублей в зависимости от сложности экспедиции. Это те деньги, которые расходовало государство, цена, которую она платила за каждый образец (очевидно большая от сегодняшних штрафов за убийство). За добычу платили исправно: и научным работникам, и эпидемиологам, и природоохранникам, и музейщикам. Поныне в задачи заповедников входит установка ловушек на все, что движется, для учета “методом безвозвратного изъятия”.

Это называется мониторинг, и этим не занимаются только нерадивые. Этого требует программа ведения летописи природы – ежегодного описания состояния природы в заповедниках, национальных парках и биосферных резерватах. Добытый материал, как правило, никуда не передается, кроме того добыча редких видов является очевидным нарушением закона, и краснокнижные виды быстро... исчезают из результатов учетов, после чего становятся еще более редкими... на бумаге и еще более ценными в коллекциях.

Появление раритетов создает рынок, который требует товара. Когда-то государственный заказ (в частности, музеи и знаменитый “зооветснаб”) исчез из-за неплатель способности государства, но выгодной стала продажа чучел и живых животных. Во всяком случае животных в природу не возвращают, потому что не за это платят. Спектр заказов вырос: заказывают живых, чучела, пробы. Однако... Если это все-таки рынок и “биобизнес”, то, кроме товара, должен был бы быть и производитель. Ан

нет. Такое можно сказать разве что о зоопарках и питомниках.

Виноваты ли биологи?

За убитых комаров и в биосферном заповеднике не ругают. Значит, есть определенные стандарты: комар – не лось, и исследователь москитов – не серийный убийца. При мириадах комаров разве об этом речь? А промысел моллюсков, рыб, жаб, дельфинов, объем которого измеряют не особями, а тоннами или сотнями тонн? И куда, в конце концов, подевались те миллионы “вредных” грызунов, которых мы столько исследовали? Тема “вредителей” нашего хозяйства стала неактуальной задолго до того, как ученые разработали эффективные меры против них. И мехов на улицах стало меньше не потому, что у нас свернули исследования пушных зверей.

Один знакомый зоолог, супер-полевик и биобизнесмен, рассказывал мне о заготовках в Карпатах тысяч редких тритонов и саламандр на продажу. Акция выглядела благородной с учетом того, что амфибий брали в тех местах, где под постройку известного всем нефтепровода вырубали широчайшие полосы пралесов. Добытчики спасали жизнь тех животных, которые обитали в этих лесах и на трассах лесовозов. Смешанное чувство? Но: сокращение в Украине общей площади лесов вчетверо, до 14%, распространение монокультур и славная биотехния на пользу немногих охотничьих животных – не это ли главная причина общего падения численности лесной птицы и зверя?

В период громких перепалок “зеленых” и ученых по поводу чернобыльских тарпанов господин Крыжановский напечатал статью об этом в одном специальном издании, завершив текст интересными словами о том, что судьба чернобыльских лошадей во всяком случае более счастливая, чем у тех, которых ежегодно отправляют в Асканию на колбасу. Разве не экологично! И кони целы, и нуклиды связаны. Кто-то предложил что-нибудь мудрее? Очевидно, что вли-

яние ученых на фауну несравнимо меньше и влияния многочисленных у нас “любителей природы” – браконьеров и электроудочников, ягодников и пастухов. К тому же это слабенькое влияние исследователей все больше уменьшается с развитием прижизненных методов исследования фауны.

Субъективное и объективное

Аргумент “зеленых” прост как дверь: животным не нужно, чтобы кто-то выяснял, кто тут жил до того, как их “изучили”. Это не поможет их местной популяции, и лучше бы мы потратили те 500 тугриков не на экспедицию и публикацию, а на природоохранную акцию. Но мы не на то учились! (Кстати, “зеленые” – наши одноклассники.) Но как мы можем охранять неизвестно что? У нас нет денег на охрану всего.

С другой стороны, было бы хорошо, если бы каждый раз исследователь ставил себе несколько вопросов: оправданно ли то, что я делаю, зависит ли “уровень” греха от числа конечностей у жертвы? Когда речь идет о еде или производственных потребностях – ответ один, когда для исследования – немного иной, когда для охраны – ??? Так я себе думал, и было в этом что-то ненормальное, не-зоологичное. Но тон в науке задают не наши мысли, а современные технологии и исследовательские стандарты.

Технология требует применения новых технических разработок, стандарты задаются этими технологиями и по сути являются пропуском в специальные круги и журналы. (У ученых валюта – публикации в рейтинговых журналах.) Так, позвоночных когда-то изучали на уровне морфологии костей, а теперь это надо повторить на уровне ДНК. Есть и другая составляющая. Часть современных таксономических и морфологических исследований базируется на образцах, собранных в годы больших экспедиций на государственные средства. Едва ли не единственным оправданием этих экспедиций было количество добытых образцов, но используются коллекции “вполсилы”.

Только переданная в главные зоологические коллекции Украины часть добытых у нас летучих мышей составляет 1,5-2 тысячи образцов, и некоторые виды сейчас в коллекциях представлены лучше, чем в природе (некоторые в природе уже исчезли). Хорошо, что музеи это сохранили, и что новых жертв можно избежать, но плохо, что добывали в таком количестве, часто с не взвешенной целью или ради 1-2 строк в таблице к статье, которую, может, никто и не читал. Сейчас другая крайность: уникальные материалы минуют музей. Тут и лень, и бизнес.

Убить(.) нельзя(.) выпустить

Стоит сказать главное: материал, попадающий в руки специалистов и любителей, должен передаваться в зоомузеи. Могут быть лишь два, но очень существенные ограничения. Первое – вовсе не природоохранное: никто не будет набивать фонды ящичками с колорадскими жуками и домовыми мышами, поскольку интерес представляют раритеты и экзоты. Это факт, и для музея – как ученых, так и посетителей – это важно. Странно, когда кто-то просто переступает “редкий труп”, провоцируя тем самым последующее убийство.

Другая проблема – наше решение судьбы тех, кто попал в руки исследователя живьем и может быть выпущен на свободу. Голова работает на полную катушку, а руки сами привычно сжимаются: совесть мучит, проект требует, коллеги будут рады, препарат выйдет неплохой, а статья еще лучше, а так могут и не поверить, но ведь коллега просил собрать, возьму про запас... Мыслей множество, и они разные. Приговор о жизни конкретного животного каждый принимает сам, хотя знает, что есть немало ограничений такой деятельности.

Старые проблемы или новые процессы

К чему этот разговор? Можно ли что-то изменить? Да. Будем различать пять про-

блем. Их решение – актуальная задача формирования нового понимания зоологии как науки. Не в мире, где это, похоже, давно стало стандартом, а у нас, в Украине. Пока не все уничтожили.

Первая – роль биологов в ухудшении состояния популяций диких животных в целом преувеличена, хоть примеров такого и немало. Ясно, что исследователь не может не влиять на свой объект, однако... Сейчас исследования краснокнижных видов можно проводить только в рамках государственной программы. Кроме того, добыча диких животных должна подкрепляться специальными разрешениями, а получить их не просто. Но все начинают понимать, что практика традиционных исследований должна меняться: от сбора всего, что двигается, до материала, без которого прогресс науки (и охраны природы!) невозможен. Наконец, научные журналы начинают избегать публикации данных о незаконно добытых животных.

Вторая проблема – исследования в заповедниках. Сейчас нормой стало ехать за материалом в заповедники. Плюс заповедники сами должны проводить учеты, как правило, все тем же “методом безвозвратного изъятия”. Когда-то я попробовал поднять с земли череп суслика в одном из австрийских национальных парков и – после разъяснительной беседы со мной – впервые понял, что такое делают только у нас. В нарушение законов и элементарной логики. Фактически заповедники являются научными полигонами. Виварии. Изменения только ожидаются, хотя в некоторых ОПТ (в частности, госкомлесовских) это понимают.

Третья проблема – развитие новых подходов к исследованию животных. Сейчас создано немало методик прижизненного и дистанционного исследования фауны, но для нас они все еще остаются слишком дорогими. Действительно, “поставить” культуру клеток для получения хромосомных препаратов стоит неизмеримо больше, чем изъять костный мозг у убитого животного. “Вытащить” хорошие результаты из пери-

ферийной крови гораздо труднее, чем при электрофоретическом исследовании протеинов печени. Изгнать глистов “немного” сложнее вскрытия, идентификация нетопыря по ультразвуку дороже, чем измерение черепа. Но меняемся, и этот процесс продолжается

Четвертое – объекты исследования. Для изучения биологических явлений конечно можно обойтись “банальными” видами и избежать экспериментов на видах-раритетах. Один мой учитель когда-то сказал: “Заберитесь в лужу и там найдете все биологические законы”. Но разве в том зоология? Помимо законов есть еще и фауна, так называемое биоразнообразие, учет которого как раз и входит в задачи зоологов. Тут есть определенная проблема и с психологией специалиста, который “не на то учился”. С другой стороны, зоологи сами сейчас разрабатывают две важные темы: 1) модельные виды и виды-индикаторы, что позволяет анализировать только часть фауны, 2) избирательные методы добывания материала, что позволяет избежать необоснованных жертв.

Пятое – психология исследователя. В детстве мы легко вскрываем червя; у биологов это немного задерживается, но годам к 30 обычно проходит. В дальнейшем что-то мучает, и тогда наиболее настойчивые заводят аспирантов. Однако, в последнее время “дурные” мысли мучают и молодежь, приходящую в науку. Процесс понемногу становится необратимым, хотя в разных возрастных группах имеет разные темпы. Старшие коллеги очень удивились этой рукописи, а молодежь восприняла как должное на границе с банальным. Удивило другое: проект рукописи распространялся между коллегами так быстро, как будто там было что-то очень новое. (Неужели никто не думал об этом!) Все это свидетельствует о начинающих переменах. Уже идут...

Post Scriptum (сознание и бытие)

Автор писал не только о себе, хотя сам исследовал немало животных. Это – попыт-

ка осмысления того, что можно сделать для изменения подходов в условиях обвальной деградации экосистем. Хотелось, чтобы и “зеленые”, и ученые задумались не о фактах, а о решениях, и общим фронтом лоббировали изменения хотя бы в 5-ти названных выше направлениях. Ценности изменило время, совсем не мы. Мы же можем и должны влиять на изменение отношения публики и коллег к “восстановимому” “биоресурсу” в соответствии с требованиями времени. Технологии позволяют. У нас любители природы – грибники, ягодники, рыбаки, охотники; а охранители – ботаники и зоологи. Любовь у всех одна и, значит, грехи у нас общие. Первобытные, как весь наш натурализм. Как это изменить? И возможно ли?

Во времена тотального экологического кризиса должно произойти системное изменение нашего отношения к животному миру. Но не биологов, как отдельно взятого социума, а всех, хотя изменять общественное сознание знаем как не просто. Когда видишь воз сена, думаешь ли о представленной в ней Красной книге? Стыдно, но я лишь вспоминаю щемящее “с ненаглядной певуньей в стогу ночевал”. Хотя степь с ее фауной жаль. И биологи там ни при чем. А с другой стороны: хорошо, что нас не исследуют какие-то там *Homo speciens*, проводя учеты нашим же “методом безвозвратного изъятия”.

Остается вернуться к началу. Главными производителями первичного научного факта являются аспиранты, с их смешными стипендиями и минимальными возможностями найти грант. Для полноценного исследования им нужно собрать хотя бы с полтысячи фактов: образцов, измерений, наблюдений. Немного арифметики, и вы поймете громадную пропасть между биотикой как “европейским выбором” (нам бы их оборудование) и нашими реалиями, между тем, как мы ценим живых животных (мы выбирали специальность с любовью и, наконец, они нас “кормят”) и тем, что нам позволяют исследовать наши реальные возможности.

Наука – неприбыльная сфера, и изменения морали, не подкрепленные экономически, лишь усиливают кризис: и академический, и этический. Жизнь зверя для нас бесценна, поскольку не при наших деньгах на науку интересоваться ценой. Те, кто этим проникается, вынуждены переходить на

“наблюдательную” и “коллекционную” зоологию или продаваться иностранцам, выдавая их успехи за свои. Или в потугах развивают дистанционные методы учета и прижизненные методы исследования. Другие развивают “биобизнес”, но это уже не имеет отношения к науке.

Сострадание к природе. Экологическая этика

В. Антонов

Общение с живой естественной природой необходимо. Именно уединение в лесу или других природных ландшафтах является одним из важных способов “представления” себя Богу для того, чтобы Он мог успешно нас учить. “В лесу ищите Моих указаний!...” (20: Листы Сада Мории. Зов). Ибо именно там мы можем “растечься” сознанием по гармонии окружающей среды, вместо того, чтобы будучи в городе, “сидеть” в своих головных чакрах, “питаться” информацией лишь о земных людских страстях и пачкаться от энергий людских отрицательных эмоций.

... Природа – это в том числе множество живых существ: животных, растений, которые, как правило, гораздо более утончены своими душами и несут в себе несравненно более глубокий покой в сравнении с большинством людей. И среднему современному человеку надо пройти большой путь доведения себя до их уровня Покоя и Любви, чтобы лишь затем иметь право претендовать на хоть какую-то собственную духовность.

Кроме того, именно и только условия открытых природных ландшафтов, а не “коробок” городских комнат и “коридоров” улиц, позволяют в дальнейшем расширять, распахивать утонченное сознание, в самом прямом смысле выращивая его по величине.

... Напомню, что эмоции – это состояния сознания. Сознания же – это и есть мы. Именно пребывая в тех или иных эмоциях, мы находимся дальше от Творца или ближе к Нему. Бог в аспекте Творца – это предел утонченности энергии сознания. Знаем ли мы теперь, куда нам двигаться в развитии своей эмоциональной сферы?

... Мало кто из нас бывал на весеннем тетеревином току, когда предрассветный туман наполняется громкой восторженной песней и “чужьканием” этих больших, красивых, страстных птиц. А большинство тех, кто бывали на тетеревиных токах, обрывали эти прекрасные песни любви ружейными выстрелами, болью, кровью, смертью... И сами наслаждались сладострастием садистов-убийц.

Воспитанные в традициях “права” на убийство животных, не имея абсолютного внутреннего “табу” на любое причинение по собственной прихоти страданий другим живым существам, атеисты, как и члены массовых сект в нашей стране, запросто переходят и к массовым убийствам людей. Вспомним, например, алкоголика и наркомана Брежнева с компанией собутыльников-охотников, начавших в том числе еще памятную нам военную агрессию в Афганистане... И не компания ли таких же любителей чужой боли и крови, получив православное благословение, начала массовую бойню людей в первой из двух последних “чеченских” войн? Геноцид чеченскому народу был начат лишь за то, что эти не

Опубликовано: Антонов В. Экология человека в многомерном пространстве. 2-изд. СПб: Плюс, 2000, стр. 39-47. Сокращ. вариант.